

менныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ бывало оторвется отъ своего чтенія и только взглянуть на ораторствующаго,—но какъ взглянуть! Говорящій невольно, будто струсить, или умалить свой экстазъ, или совсѣмъ замолчить. Доза яда во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ“.

Внѣ стѣнъ университета Лермонтовъ точно такъ же чуждался насъ. Онъ посѣщалъ великолѣпные балы тогдашняго московскаго благороднаго собранія, являлся на нихъ изысканно одѣтымъ, въ сообществѣ прекрасныхъ свѣтскихъ барышень, къ коимъ относился такъ же фамильярно, какъ къ почтеннымъ вліятельнымъ лицамъ, во фракахъ съ звѣздами или ключами назади, прохаживавшимся съ нимъ по заламъ. При встрѣчахъ съ нами онъ дѣлалъ видъ, будто не знаетъ насъ. Не похоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Наконецъ мы совершенно отвернулись отъ Лермонтова и перестали имъ заниматься“.

—Однако едва ли вѣрно то, что Лермонтовъ ни съ кѣмъ не сходилъ изъ студентовъ. Въ его драмѣ: „Странный человѣкъ“ Владимиръ Арбенинъ, подъ которымъ авторъ изобразилъ себя, ведетъ дружбу со студентами; студенты эти хотя и сидятъ за бутылками шампанскаго, но поднимаютъ и серьезные вопросы, какъ напр. вопросъ о томъ, когда же русскіе будутъ русскими. По всей вѣроятности, Лермонтовъ, какъ и всегда впослѣдствіи, сходилъ лишь съ немногими избранными, а для остальныхъ былъ холоденъ и недоступенъ.

Впрочемъ, когда дѣло касалось всей корпорации студентовъ, Лермонтовъ не отставалъ отъ товарищей. Такъ, когда студенты-юристы вадумали громко выразить свое неудовольствіе профессору Малову, и когда къ нимъ на помощь пришли студенты другихъ факультетовъ, Лермонтовъ тоже былъ въ числѣ пришедшихъ.

Но всего болѣе о Лермонтовѣ-студентѣ можетъ говорить его поэтическая дѣятельность. Есть стихотворенія, указывающія, что уже и въ ту пору на него находили минуты грусти, и онъ чувствовалъ себя одинокимъ.

Живу, какъ неба растелины:
Въ прекрасномъ мірѣ, по одиночѣ!
И сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по концѣ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтъ на мнѣ сухомъ,—

говорить юный поэтъ въ „Стансахъ“ 1831 года. Посѣщая блестящіе балы и ведя знакомство съ золотой молодежью, Лермонтовъ въ то же время пишетъ стихотвореніе „Ангелъ“, гдѣ онъ является чистымъ и высокимъ романтикомъ, душа котораго „желаніемъ чуднымъ полна“. Онъ окидываетъ презрительнымъ взглядомъ окружающую его толпу, сторонится отъ нея, потому что толпа эта, по его мнѣнію, есть скопище людей холодныхъ.

Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ—волнъ холодныхъ!

Но, какъ бы разочарованный въ людяхъ, Лермонтовъ тѣмъ не менѣе страстно ищетъ любви и дружбы, въ особенности любви женскаго сердца. Въ одномъ изъ стихотвореній 1831 г. („Я видѣлъ тѣнь блаженства“) онъ прямо говоритъ, что „въ женскомъ сердцѣ хотѣлъ сыскать отраду бытія“.

Итакъ, уже въ Лермонтовѣ-студентѣ мы замѣчаемъ двойственность: съ одной стороны—это гордый, холодный человѣкъ, съ другой—это душа чистая и нѣжная.

Есть стихотворенія (они относятся къ 1830 г.), характеризующія Лермонтова и съ другой стороны. Европейскія событія 1830 года увлекли его и въ записныхъ тетрадяхъ Лермонтова мы встрѣчаемъ стихотворенія: „Ты могъ быть лучшимъ королемъ“, „Новгородъ“, „Опять вы, гордые, возстали“, „Предсказаніе“.

Въ университетѣ Лермонтовъ оставался до 18 іюня 1832 года: въ этотъ день ему было выдано увольнительное свидѣтельство — и онъ университетъ долженъ былъ оставить. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. „Передъ рождественскими праздниками“—разсказываетъ Вистенгофъ,—„профессора дѣлали репетицію, т.е. повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и, согласно отвѣтамъ, ставили баллы, которые брались въ соображеніе на публичныхъ переносныхъ экзаменахъ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изищную словесность, задалъ какой-то вопросъ Лермонтову. На этотъ вопросъ Лермонтовъ